ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

УДК 821.112.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-49-59

Наталья Вадимовна Ковтун,

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия), e-mail: nkovtun@mail.ru

Мария Валерьевна Ларина,

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, Россия), e-mail: m_larina@yahoo.com

Переосмысление наследия Второй мировой войны в австрийской литературе конца XX века

В статье исследуется процесс переосмысления наследия Второй мировой войны в австрийской литературе конца XX столетия. Доказывается, что данная проблематика стала ведущей в творчестве группы австрийских драматургов времён "Schocktheater" (Петер Туррини, Хельмут Квалтингер, Вольфганг Бауер и др.), писавших пьесы, направленные на пробуждение общественности, изменение взгляда людей на социальные проблемы, и выдающихся авторов – лауреата Нобелевской премии по литературе Эльфриды Елинек и прозаика Кристофа Рансмайра. В работе представлен обзор культурных и политических событий 1980-х годов, повлиявших на выбор тематики, проблематики знаковых текстов того времени. На примере романов Кр. Рансмайра «Последний мир» ("Die letzte Welt") и Э. Елинек «Перед закрытой дверью» ("Die Ausgesperten") показано, как каждый из авторов в своей неповторимой манере воплощает реалии современной Австрии, рассуждая о насущных проблемах современности (наследие нацизма и отношение к нему различных поколений, проблема «отцов и детей», поэта и власти, искусства и государства как вечного и временного...). Основная тема, объединяющая творчество писателей, - тема австрийского «забвения» собственного нацистского прошлого, которое ведёт как к глобальным, так и к личностным катастрофам. Художники стремятся ответить на ключевые вопросы современности – в чём причина устойчивости тоталитаризма, привлекательности идей насилия, жестокости, закрывающих будущее цивилизации. Авторы предостерегают человека, уверовавшего в своё право распоряжаться судьбами других людей по собственному усмотрению. Когда «человек с топором» назначен в пророки, он крушит на своём пути всё, что не вписывается в его представление о должном. Цивилизация, выдвинувшая принцип насилия как одно из доказательств значимости человеческой судьбы, - обречена.

Ключевые слова: Кр. Рансмайр «Последний мир», Вторая мировая война, переосмысление наследия, Эл. Елинек «Перед закрытой дверью»

Natalya V. Kovtun,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: nkovtun@mail.ru

Maria V. Larina,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: m_larina@yahoo.com

Rethinking of the Legacy of the Second World War in Austrian Literature of the End of the 20th Century

The article explores the process of rethinking the heritage of World War II in Austrian literature of the second half of the twentieth century. We show that this issue has become leading in the work of the group of Austrian playwrights "Schocktheater", who wrote plays aimed at awakening the public, changing people's views on social problems and outstanding authors, laureate of the Nobel Prize for Literature Elfrida Jelinek and novelist Christoph Ransmire. The paper provides an overview of the cultural and political events of the 1980s that influenced the choice of subjects and problems of texts of that time. On the example of novels by Chr. Ransmair "The Last World" and El. Jelinek "Wonderful, wonderful times", we show how each of the authors in his own unique way embodies the realities of modern Austria, discussing the pressing problems of modernity (the legacy of Nazism and the attitude of different generations to it, the problem of "fathers and children", a poet and a government, an art and a state as eternal and temporary ...). The main theme uniting the writers' work is the theme of the Austrian "oblivion" of their own Nazi past, which leads to both global and personal catastrophes. Artists are trying to answer the key questions of our time - what is the reason for the stability of totalitarianism, the attractiveness of the ideas of violence, cruelty, covering the future of human civilization. The authors warn people who believe in their right to control the fate of other people at their own discretion. When a "man with an ax" is appointed a prophet, he destroys everything in his path that does not fit into his idea of what is due. A civilization that has advanced the principle of violence as one of the proofs of the significance of human destiny is doomed.

Keywords: Ch. Ransmayr "The Last world", the Second World War, rethinking of the legacy, El. Jelinek "Wonderful, wonderful times"

Введение. Прерогативой немецкой литературы конца XX – начала XXI века остаётся осмысление истории. Писателей интересуют как далёкие, так и актуальные исторические события. Многочисленны произведения, в которых описывается день или год падения Стены, исчезновение границ в Европе (романы «Поворот» Р. Менассе, «Герои вроде нас» Т. Буссига, «Игра в возвращение» У. Вёлька), освещается проблема объединения немецкого народа («Широкое поле» Г. Грасса), переосмысляется наследие двух мировых войн («Язык, который ты не понимаешь» М. Фрица, «Горе тому, кто идёт не в ногу», Л. Гарига)¹. Признание Германией своей вины во Второй мировой войне и последующее покаяние, безусловно, отозвались и в литературе, где антифашистская тема занимает одно из ведущих мест. Главным для писателей становится формирование новой морали, очищение от нацистских догм, идея ответственности каждого человека за собственную судьбу, вписанную в историческую перспективу.

Методология и методы исследования. Одна из важнейших тем в этом дискурсе — анализ механизмов, источников привлекательности тоталитаризма, приведшего к трагическим последствиям, породившего рецидивы страшной жестокости (истребительные войны, концлагеря). Объектом исследования немецкоязычных писателей становится феномен так называемого «нового крошки Цахеса» [9, с. 227] героя, в высшей степени отвратительного, но непонятным образом заставляющего людей любить его, следовать злой воле. Одним из первопроходцев в этом отношении становится П. Зюскинд с его культовым постмодернистским романом «Парфюмер. История одного убийцы» (1985), герой которого - гений запахов - воздействует на человеческие души так, как считает нужным. Писатель исследует процесс формирования в душе героя жажды власти, навязчивое желание отвергнутого, всем чужого мизантропа быть «Отцом народов» [Там же].

Результаты исследования и их обсуждение. В отличие от Германии, осознание Австрией своего нацистского прошлого шло в несколько ином ракурсе: за политическим лоском Вены конца XX века скрывается стремление утаить и забыть прошлое. Там, где Германия осознаёт вину и переживает покаяние, Австрия выставляет себя «первой жертвой Гитлера». Лю-

 $^{^{1}}$ Мишина Л. А. История культуры Германии. – М.: Русская панорама, 2013. – С. 261.

бые утверждения, противоречащие данной идеологии, становятся объектом цензуры в официальной полемике, ограничиваются или же публично порицаются. Послевоенная Австрия создаёт условия политического компромисса: денацификация постепенно сворачивается, в австрийцах культивируется консервативный дух национального единства. Историк Ю. В. Пленков пишет по этому поводу следующее: «...если в ФРГ прилагались значительные усилия, чтобы раскрыть людям глаза на преступления нацистов, то в Австрии подобного не произошло. Миф об Австрии - жертве Гитлера - родился в Московской декларации 1945 года. Правда, в самом конце документа отмечалось участие Австрии в войне на стороне Германии, но в Государственном договоре 1955 года эта фраза отсутствовала. Страна, в том числе и жители Вены, так и остались в роли невинных жертв нацистов, освобождённых в итоге союзниками. Последовавшую за этим оккупацию в течение десяти лет в Австрии восприняли как гнетущую несправедливость: разделение страны на зоны оккупации оказалось для её жителей более тяжёлым, чем нацизм и война. Даже после ухода оккупационных войск разрыва с прошлым не произошло» [8, c. 53-54].

Группа "Schocktheater" и её роль в культуре Австрии. В 1966-1967 годах Австрийская народная партия набирает абсолютное большинство голосов на выборах в парламент, что провоцирует волну активной критики в среде австрийской интеллигенции. Это время связано с популярностью "Schocktheater" - группы австрийских драматургов (Петер Туррини, Хельмут Квалтингер, Вольфганг Бауер и др.), писавших пьесы, направленные на пробуждение общественности, изменение взгляда людей на социальные проблемы. В частности, пьесы Туррини «Охота на крыс» (1971), в которой автор призывает «возлюбить крысу внутри себя», и «Убой свиньи» (1972), где люди сравниваются со свиньями, провоцируют общественные скандалы, пьеса «Граждане» (1982) вызывает политические дебаты [12].

В 1980-х годах Австрия вновь демонстрирует Европе своеобразный взгляд на идеологию, историю нацизма, что обозначилось через дискуссию вокруг нацистского прошлого кандидата в президенты и четвёртого Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма. Сама дискуссия обсуждается и позже, в 1990-х годах, когда крайне

правая Австрийская партия свободы приобретает массовую поддержку на выборах 1999 года. «Дело Вальдхайма» вызвало бурную реакцию австрийских интеллектуалов, и уже 1988 год обозначился двумя важнейшими для страны культурными событиями: постановкой пьесы Томаса Бернхарда «Хильденплатц» и публикацией знакового романа Кристофа Рансмайра «Последний мир» ("Die letzte Welt").

В «Хильденплатц» Бернхард объединил в одном символе – главной площади Вены – и великую модернизацию XIX века, провозглашавшую достоинство человека, и знаменитую гитлеровскую речь времён Аншлюса, которая была произнесена на этой же площади. Прочерченную автором связь многие австрийцы не смогли принять и осознать. До премьеры пьеса «Хильденплатц» не издавалась, лишь накануне постановки один из монологов был опубликован в журнале "Profil", что спровоцировало жаркие споры:

Ситуация сейчас такая же, какая была в 38-м.
Сейчас в Вене больше нацистов, чем в 38-м.
И сейчас они лезут во все дыры, которые были залатаны 40 лет назад. Вам нужно только пообщаться с кем-то из них, чтобы понять:
этот человек нацист...

Политики и колумнисты пытались разгромить пьесу, но, несмотря на это, постановку ждал оглушительный успех, в день премьеры зрители аплодировали на протяжении всего спектакля [Там же]. Возмущение и дебаты вокруг пьесы Бернхарда стали своеобразной кульминацией предыдущих споров между венской интеллигенцией и правительством, начавшихся ещё в 1960-х годах. Ситуация конфликта австрийских литераторов конца прошлого века, вступивших в противоборство с послевоенным австрийским государством, нашла отражение в известном романе Кристофа Рансмайра «Последний мир».

Военное прошлое Австрии в зеркале романа Кр. Рансмайра «Последний мир». «Последний мир» — отражение нашей современности, представленной в романе отстранённо как анахроническое сочетание времён: переживший когда-то Мировую войну античный Рим, где неугодных отправляют на крест или в газовую камеру. Здесь развиты СМИ, кино, реклама и самое главное — государственный аппарат, контролирующий все сферы жизни. На окраине

Римской Империи, управляемой императором-богом, Августом, и затерялся покрытый ржавчиной южный городок Томы, куда за антигосударственную деятельность ссылают опального поэта Публия Овидия Назона. В Риме Назон снискал популярность как среди простого люда, так и в среде высоколобых интеллектуалов: «Книги Назона пирамидами и мозаичными узорами были разложены в витринах книжных магазинов под плакатами с его портретом... Но имя Назона упоминалось и когда речь шла о скандалах, о садовых пирушках, банкетах, модной роскоши или авантюрах властей... Вне всякого сомнения, Назон был знаме-HИТ 1 .

Поэт активно презентует собственные произведения на литературных вечерах и массовых чтениях, участвует в рекламных акциях, пишет пьесы на потребу публике, параллельно работая над своей главной книгой, которую называет «Метаморфозы»: «...лишь заглавие этого труда при всех пересудах не подлежало сомнению - заглавие, ставшее в конце концов символом рокового предположения, что-де Назон пишет зашифрованный роман о римском обществе и в этом романе выведены многие знатные и состоятельные граждане с их тайными страстями, деловыми отношениями и замысловатыми привычками - замаскированные и разоблачённые Назоном, выставленные на осмеяние, беззащитные перед кривотолками... Не то чтобы он в самом деле писал, но все вдруг до ужаса отчётливо поняли, что он мог бы его написать, и не в последнюю очередь именно поэтому Рим начал не доверять Овидию, избегать его, а в итоге ненавидеть»2.

Внезапно вокруг пьесы Назона «Мидас» разгорается скандал: главный герой, судовладелец из Генуи, читает со сцены монолог, где проклинает всех, кто жаждет денег: «В этом монологе — а его то и дело прерывали аплодисменты и хохот публики — наконец-то прозвучали спрятанные в палиндромах и акростихах имена известных всему городу президентов наблюдательных советов, депутатов и судей...»³. Римские власти воспринимают смех, аплодисменты публики так, словно они направлены в их адрес, поэтому на четвёртый день премьеры сенатор инициирует столкновение зрителей и актеров с полицией. Запрет пьесы

провоцирует убийство одного из сенаторских телохранителей, и весь Рим вопрошает: «Что же это за сочинение, если оно способно спровоцировать подобный взрыв насилия?»⁴. Пьеса Назона порождает насилие с обеих враждующих сторон: простых зрителей и правительства, что ведёт к катастрофическим последствиям. Воспользовавшись ситуацией, власти сжигают книги поэта, его дом подвергается обыску, разграблению, с целью уничтожить любые напоминания о работах Назона.

Можно сказать, что история великого поэта – до некоторой степени типичная судьба интеллектуала, ставшего неугодным власти [15]. По замечанию У. Виттштока, «Последний мир» - единственный роман К. Рансмайра, где кроме естественноисторической перспективы, перед которой всё бренно, есть культурно-историческое измерение, в котором искусство Овидия остаётся актуальным 2000 лет, что в человеческих масштабах непостижимый срок [18]. При этом не стоит забывать, что Назон сознательно обрекает себя на ссылку, отказываясь в триумфальной речи от ритуального восхваления имератора: «Назон в тот вечер вышел и стал перед букетом тускло поблёскивающих микрофонов и, сделав один этот шаг, оставил римскую империю позади, не произнёс, забыл строго-настрого предписанную литанию обращений, коленопреклонение перед сенаторами, генералами, даже перед императором, что сидел под своим балдахином, забыл себя и своё счастье, без малейшего намёка на поклон стал перед микрофонами и сказал только: Граждане Рима»5.

Исследователи романа отмечают, что подобный акт открытого неповиновения знаменует свободу художника от социума, он выбирает ссылку, удел безымянного сказителя, бегущего, словами Х. Л. Борхеса, плена «бесконечной вавилонской библиотеки» [4, с. 73]. А. Холмс находит сходство между описанной в тексте судьбой Овидия и реальным положением венских литераторов времён "Schocktheater". Ожесточённое негодование венских политиков, увидевших себя в пьесах Туррини, Квалтингера и Бернхарда, последующие за этим запреты на творчество драматургов, срывы премьер - во всём угадывается символическая связь с эпизодами романа Рансмайра. Для автора, однако, политический смысл описанных событий напоминает фон для

 $^{^{1}}$ Рансмайр К. Последний мир. – М.: Эксмо, 2003. – С. 36.

² Там же. – С. 43.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 45.

⁵ Там же. – С. 47–48.

более глубокой, экзистенциальной проблематики, связанной с вопросами предназначения художника, его взаимоотношений с читателями и властью, с вопросами памяти и судьбы текстов. В «Последнем мире» реализуется конфликтная оппозиция: не столько поэт и власть, сколько вечное (искусство) и временное (государство).

Рассказывая историю Назона, описывая римское общество, К. Рансмайр, безусловно, делает отсылки к истории Третьего рейха, своеобразно обыгрывая параллель между Австрией 1980-х годов и Германией 1930—1940-х годов. Так, например, римская власть в романе не просто наказывает инакомыслящих, а уничтожает их, утверждая культ императора Августа, неугодные художники отправляются в ссылку, их книги подвергаются ритуалу аутодафе. Читатель узнаёт, что Рим в давние времена вёл войну, о которой никто не говорит.

Единственным участником прошедшей войны, сохранившим память о ней, является обитатель Томов – Дит-немец. образ которого маркируют взаимоисключающие черты целителя-травника и могильщика. Герой родился во Фрисландии, но его «вынесла к этим берегам забытая война»: «Дит был последним ветераном разбитой, разогнанной армии, которая на вершине своего буйства сумела ни много ни мало подпалить море. Ещё и теперь в кошмарных снах могильщик вновь и вновь слышал раскаты давно умолкнувшего грома орудий... дальше он видел, как броненосцы и госпитальные суда уходили в пучину, а подожжённые снарядами нефтяные ковры дрейфовали к берегу. Констанца, Севастополь, Одесса – цветущие города Черноморья вновь и вновь исчезали за стеной огня, и в каждом из этих снов посреди взятого штурмом, разорённого города Дит обязательно подходил к воротам какого-то склада, обязательно отворял тяжёлые створки и видел перед собою страшный образ человечества...

Безоконное каменное помещение было битком набито народом – туда согнали целый городской квартал и всех отравили газом...

Схватка уже давно была позади, и жертвы лежали, разинув рты, окоченев в судорогах, когда Дит отворял первую створку и из тучи ужасающего смрада на него обрушивалось это подобие человечьего общества. И тогда он просыпался. И кричал»¹.

Именно Дит видел, пережил не только боевые сражения, но и концлагеря, он же формулирует основной «диагноз» современного человечества и, согласно К. Рансмайру, этот диагноз смертелен: «Человек человеку волк»². Писатель анализирует то постоянство, с которым в людях просыпается жестокость, старается открыть причины наслаждения ею. Дит — калека, но его травмы не столько физические, сколько душевные: полное разочарование в человеке и обществе.

Дефиниция человека как волка, зверя, связывает в романе три временных пласта: Античный Рим, средневековые Томы и Европу XX века. Фикциональный Назон или реальный Томас Бернхард, обличая преступления правительства, показывают врождённую жестокость, присущую и тем, кто мыслит себя как представителей цивилизованного общества. Рансмайр анализирует деструктивную энергию человечества. Подобно тому, как гениальному Назону сопутствуют разруха, социальное разложение, так и усилившийся протест современных литераторов, критикующих политику Австрии, приводит лишь к дальнейшему развитию опасных тенденций, разрушению цивилизации, что и демонстрирует судьба города Томы в «Последнем мире».

Автор подаёт образы героев «Метаморфоз» Овидия сквозь призму беспощадной иронии: все они — опустившиеся жители умирающего города. Фантазийные персонажи художника вписаны в картину жёсткой реальности, читателю уже не кажется странными общество, забывшее чудовищную войну, или городок, обратившийся в камень при столкновении с историей. Ускоренный бег цивилизации оборачивается, в транскрипции К. Рансмайра, окаменелостью душ, апокалиптическим концом культуры, если человечество не в состоянии противостоять тяге к насилию.

Образ поколения 1950-х в романе Э. Елинек «Перед закрытой дверью». 1980-е годы становятся плодотворными ещё для одной австрийской писательницы — Эльфриды Елинек. В эти годы появляются её знаменитые романы «Перед закрытой дверью» ("Die Ausgesperrten", др. перевод — «Отринутые», 1980), «Пианистка» ("Die Klavierspielerin", 1983), «Похоть» ("Lust", 1989). Роман «Пианистка» выходит в один год с пьесой Елинек «Бургтеатр», в которой автор поднимает тему австрийского «забвения» собственного нацистско-

 $^{^{1}}$ Рансмайр К. Последний мир. — М.: Эксмо, 2003. — С. 200—201.

² Там же. – С. 204.

го прошлого. Вслед за изданием романа «Похоть» следует премьерный спектакль по пьесе Елинек «Места отдыха», что провоцирует нападки на писательницу со стороны Австрийской партии свободы. После прихода в 1999 году Партии свободы к власти Елинек становится активнейшим критиком нового правительства. В 1995 году выходит в свет её роман «Дети мёртвых» ("Die Kinder der Toten"), в котором автор критикует Австрию за неспособность признать и преодолеть нацистское прошлое.

В контексте нашей темы особенно интересен роман «Перед закрытой дверью», где Э. Елинек затрагивает тему Второй мировой войны, её роли в истории Австрии через призму отношений «отцов» с их нацистским прошлым и «детей», не желающих это прошлое принять. Произведение воспринимается как горькая насмешка над «австрийским культурным наследием», одной из составляющих которого и является страшная война. Действие в тексте происходит в Вене в 1950-х годах. Четверо юных друзей: близнецы Райнер Мария и Анна Витковски, Софи Пахофен и Ханс Зепп объединяются в банду и совершают бессмысленные, на первый взгляд, нападения, грабежи на ночных улицах Вены, дающие выход скопившейся в их душах жестокости. Все четверо являются представителями разных слоёв австрийского послевоенного общества. Единственное, что их объединяет - желание жить подлинной жизнью, непреодолимое ощущение того, что они находятся в отвратительном лицемерном обществе, построенном их родителями – представителями военного поколения.

Близнецы Витковски происходят из мелкобуржуазной семьи. Их отец – инвалид войны и старый нацист – садист, извращенец, подрабатывающий распространением порноснимков. Мать Витковски унижена и запугана мужем, сведена до положения бессловесного животного, презираема своими детьми. Она «пытается привить детям человечность», однако её собственные представления об этом глубоко ущербны. Мадам ещё помнит свои «лучшие времена», когда играла «роль жены офицера СС». Инвалид Витковски компенсирует потерю прежней власти, терроризируя семью, загоняя в нравственный, психологический тупик близких, практически не оставляя им выбора.

Господин Витковски возвращается с войны без ноги, но с чистой совестью; война становится его лучшим воспоминанием,

тогда он был здоров, силён, служил в войсках СС, наводил страх на окружающих. Всё рвение, с каким он прежде исполнял «профессиональный долг», теперь он направляет на хобби — художественную фотографию. «Былые его противники рассеялись, вылетев в трубы крематориев Освенцима и Треблинки или покрыв собой славянские земли. Фотографируя художественно, отец Райнера неустанно и ежедневно преодолевает те узкие барьеры, в которые втиснута Германия»¹.

Объектом, «моделью» г-на Витковски, изготавливающим порнографические открытки, становится жена, причём весь процесс подготовки, самих съёмок зачастую происходит на глазах детей. Глава семейства избивает женщину, если она делает что-то не так при позировании, вслух вспоминает былые времена: «На войне я многих сломал самолично, многих личностей собственноручно ликвидировал... Как сейчас помню, шагали мы по польским деревням в высоких сапогах, а кровь аж до щиколоток доходила»².

Образ Софи Пахофен - олицетворение устойчивых черт девушки из «приличной семьи», её действительность - богатство, вилла в Хитцинге, спортивные автомобили, уроки тенниса. Она становится воплощением той жизни, о которой тайно мечтают и Райнер, и Ханс. Героиня, несмотря на роскошь и богатство, по-своему глубоко несчастна, ей отвратительна вечно страдающая мать, скучен насквозь фальшивый «высший свет». Софи – единственная в произведении, которая соединяет все слои послевоенного общества, вызывая вожделение или зависть его представителей: от пролетариев до родовитой аристократии. Неуловимость, воздушность дорогих нарядов девушки, солярная символика образа, как и символическое имя героини - Софи/ София – позволяют указать на саркастически прочерченную автором параллель с образом гностической Софии, воплощающей тайну бытия – Душу Мира. Центральный гностический миф повествует о «душе, которая утратила свою целостность и превратилась в шлюху», ведьму [1, с. 206]. Интерес современных авторов к гностической образности, мифологии отнюдь не случаен, отражает разочарование в итогах современной цивилизации, сам путь которой выглядит глобальной ошибкой.

 $^{^1}$ Елинек Э. Перед закрытой дверью. — СПб.: Симпозиум, 2009. — С. 17.

² Там же. – С. 19.

Избранник Софи – Ханс Зепп – прямая противоположность девушки, он – рабочий, сын революционера, презирающий своего погибшего отца и мать за неумение приспосабливаться к действительности, достойно зарабатывать, достичь устойчивого положения в обществе. Мать Ханса видит в сыне будущего активиста рабочего движения, такого же, каким был его отец, убитый в потасовке социал-демократов с коммунистами. Юноша, напротив, мечтает «выбиться в люди», добиться Софи любой ценой.

Герой – натура цельная, ему не чужды простодушие, сострадание, но именно эти черты оказываются лишними для завоевания своего места в социуме. Предел мечтаний Ханса – стать учителем физкультуры, средством для достижения лучшей жизни он выбирает Софи, свободную и богатую. Причём ради достижения цели он готов на унижения и жертвы, чем девушка и воспользуется. Софи жаждет «простых удовольствий» и считает воплощением святой простоты Ханса, которым не столько увлечена, сколько озадачена, она играет им, буквально заставляя раздеваться нагим, демонстрировать физическое проявление желания.

Каждый образ, выведенный в тексте, по-своему глубок, психологически достоверен и функционально ограничен одновременно: «...Райнер - мозг шайки, Ханс - её кулаки, Софи - своего рода любопытствующий соглядатай, Анна же озлоблена на всё человечество...»1. Сюжет разворачивается как трагическая попытка молодых людей Австрии 1950-х годов выйти из зловещей тени родительского поколения, их военного прошлого, когда юные герои сталкивается с откровенной безнравственностью «отцов», с их эмоциональной холодностью. На эту атмосферу подчёркнутого равнодушия, непонимания, царящую в обществе, указывает и название текста. Конфликт поколений приобретает здесь специфические «австрийские» черты.

Райнер Мария – идейный вдохновитель банды. Он пытается справиться с давящей безнадёжностью существования, объяснить происходящее, читая Сартра и Камю, но это лишь усиливает чувство безысходности. Экзистенциализм Райнера поверхностен и никак не помогает справиться с реалиями, в которых приходится жить. Идеи героя сводятся к банальному рассуждению, направленному на утверждение

собственной исключительности в глазах красавицы Софи. Все усилия, жесты Райнера не дают, однако, выхода его подавленности, разочарованию, грандиозные планы оборачиваются бессмысленной агрессией против незнакомцев на ночных улицах Вены. Принцип, сформулированный героем и лёгший в основу деятельности банды школьников, - неизбирательное насилие против всех взрослых. Его обоснованием становится убеждение, что даже если никто из поколения «отцов» лично не виноват в сложившихся условиях бытия, то вместе они виноваты безусловно. Философия Райнера – наивная смесь элементов французского экзистенциализма, элитной концепции Ницше, установок де Сада и важной для немецкой нации идеи вины всех перед всеми.

Участники банды связаны между собой особыми отношениями. Анна, сестра-близнец Райнера, наслаждается садистскими фантазиями и редко выражает себя иначе, чем через приступы намеренной рвоты, болезненной немоты, жёсткость, приправленную цитатами из Жоржа Батая или музыкой Брюкнера. Отвращение Анны к действительности усилено лейтмотивом рвоты, безобразные сцены Э. Елинек описывает с отталкивающими натуралистическими подробностями, фиксируя внимание на деталях. Происходящее можно истолковать и в контексте идей Ю. Кристевой об отвращении [6].

Как и её брат, Анна жаждет самоутверждения, своего места в бытии, и в то же время не в состоянии выйти из зловещей тени Райнера. Подчёркнуто презирая любые проявления женственности, драпируя собственную привлекательность несвежей, несуразной одеждой, она пытается спрятаться в ней, как в коконе, защититься от мира, чтобы не чувствовать боль. В известном смысле, Анна – «двойник» Софи, внешне ей во всём противоположный, но воплощающий скрытые желания и пороки непреступной красавицы. Не случайно Анна периодически страдает от приступов немоты, ведь один из даров Софии как Души Мира – дар Слова.

Героиня постоянно нуждается в жертве, «козле отпущения», чтобы выместить на ней собственную боль, обиду на судьбу [3]. Жертвой, как обычно, становится тот, кто наивнее, слабее — одноклассник Герхард Швайгер. Он — признанный неудачник с отталкивающей внешностью, «поздний ребёнок и вечный середняк, с прыщами по

 $^{^1}$ Елинек Э. Перед закрытой дверью. — СПб.: Симпозиум, 2009. — С. 11.

всему телу». Привыкший к насмешкам толстый, суетный, болтливый Герхард готов на всё, чтобы заполучить девушку, и тем доказать себе и окружающим мужскую состоятельность, в том числе, сексуальную.

Оберегая каждый собственные душевные раны, взращивая обиды на окружающий мир, четверо подростков разрабатывают и воплощают общую стратегию насилия. Они выбирают мишень для нападения на ночных улицах, провоцируя окружающих вызывающим поведением. Жертва оказывается в ситуации страха, зависимости, переживает сексуальное возбуждение, затем её обворовывают и унижают. При всём ужасе происходящего сама жертва, как правило, не вызывает сочувствия, её поведение зачастую не менее отвратительно, чем поступки членов банды.

Автор детально описывает метания, страхи подростков, дистанцируясь от оценки происходящего. Нарративная стратегия выстроена так, что позволяет различным мыслительным практикам, событиям, существующим в тексте обособленно, сходиться воедино, создавая драматическую картину современности. Э. Елинек важно вовлечь читателя в диалог, заставить взглянуть на известные факты истории с иной позиции и точки зрения. Акты насилия, жестокости в романе, при всей их чудовищности, вызывают у читателя желание постичь первопричину случившегося, а не вынести приговор. Автор даёт понять, что в другой обстановке и при ином отношении близких у подростков был бы шанс справиться с личными драмами, выстроить свой путь. Не случайно накануне гибели Анна, почувствовав поддержку и сострадание Ханса, засыпает почти счастливой.

Заключение. Мир, воссозданный Э. Елинек, поглощён жестокостью, которая становится самым сильным чувством, переживанием героев. Здесь никто никого не любит, но все пытаются использовать партнёра для личных целей, чем вольно или невольно обесценивают собственную жизнь. Круг замыкается, жесткость, насилие порождают только ещё большую жестокость. Одной из причин катастрофы автор называет нацизм как философию превосходства, её воплощение в истории провоцирует апокалипсические события.

Нацизм, по мысли Э. Елинек, не ушёл из австрийского общества, но углубился, приобрёл более личные, потаённые формы; отрицание австрийцами своего прямого отношения к ужасающей войне

рождает внутренний конфликт в душах людей, трансформирует чувство вины в жестокость, даёт нацизму как социальному явлению новую жизнь. Не случайно при избиении прохожего на улице Анна приходит к выводу: «Он ведь жертва, Анна же преступница. Жертва всегда лучше, она невиновна. Правда, вокруг полным-полно невиновных преступников. Облокотившись на уставленные цветами подоконники, они приветливо посматривают на публику, тешатся воспоминаниями о фронтовом прошлом, машут ручкой или занимают высокие посты. Торчат меж кустами герани. Пора наконец-то всё простить и забыть, чтобы начать жить совсем уж заново», - с горькой усмешкой замечает то ли Анна, то ли повествователь¹. Антиномичность композиционного построения романа, где дневной мир, ухоженный, полный филистерских забот, во всём противоположен ночному - залитому кровью, заполненному преступлениями, работает на основную идею о несовместности настоящего и «тёмного прошлого», скрывающего страшные тайны.

Заведомое неразличение жертв и преступников, принятое в послевоенном австрийском обществе, рождает мысль о мире-хаосе, в котором «всё позволено». Э. Елинек мастерски встраивает образы героев-нацистов в современный быт: те, кому повезло, и при нынешней власти довольны собственным положением, а неудачники, такие как господин Витковски, перенесли тактику боя на существование здесь и сейчас, превратив в заложников собственных жён и детей: «В первый раз он избил её (жену) в тот самый день, когда мы проиграли Первую мировую войну, ведь до этого дня отец колошматил чужаков самого разного калибра и обличья, теперь же материал для битья имелся лишь в обличье жены и детей. Он загонял людей в болота, где им приходил скорый конец, это подтверждено документально»².

В финале романа Райнер, потерпев любовную неудачу, переживает гибель своих надежд и, вослед отцу, мстит за это близким. Ночью он зверски убивает всю семью, холодно продумывая каждую деталь преступления, которое должно стать сенсацией, подчеркнуть экстраординарность исполнителя. Иного способа войти в историю герой не видит. При всей чудовищности убийство воспринимается в

 $^{^1}$ Елинек Э. Перед закрытой дверью. — СПб.: Симпозиум, 2009. — С. 6.

² Там же. – С. 40.

череде подобий, роман с первых страниц пропитан апофеозом жестокости, смерти, тления: от зарисовок словно бы тяжело больной, умирающей весенней природы до периодических попыток Райнера убить себя и отца. При этом автор отнюдь не стремится шокировать, Э. Елинек отмечает: «С литературной точки зрения меня всегда интересовало, как облечь в эстетическую форму то, о чём невозможно сказать. Молчание - всегда наилучшая позиция. Но я постоянно пыталась кружить вокруг тёмного пятна истории, о котором так много рассказано, но так мало сказано, пробуя обозначить его контуры – высказать невысказываемое, произнести непроизносимое...»¹.

Образ семьи Витковски – некий срез современного общества в целом, через призму которого показана связь между «обыкновенным» нацизмом и ретушируемой до сих пор национал-социалистической историей Австрии. Сюжет романа – не вымышленный, взят писательницей из газет:

«В основе романа "Отринутые" – реальный факт (в начале 60-х годов гимназист-старшеклассник в канун выпускных экзаменов зверски убил всех членов своей семьи), но мне пригодились мои детские впечатления от той воспитательной методы, которая стремится сделать из ребёнка гения, пробуждая в нём анархический протест, что нередко приводит к катастрофе»².

Одна из важнейших идей романов К. Рансмайра и Э. Елинек – предостережение современного человека, уверовавшего в своё право распоряжаться судьбами других людей по собственному усмотрению. Когда «человек с топором» назначен в пророки (в стилистике Ф. М. Достоевского), он крушит на своём пути всё, что не вписывается в его представление о должном [16]. Цивилизация, выдвинувшая принцип насилия как одно из доказательств значимости человеческой судьбы, — обречена. Нарочитое забвение драматического прошлого прогнозирует минувшие трагедии в будущее, фактически перечёркивая его.

Список литературы

- 1. Афонасин Е. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2002. 368 с.
- 2. Вальцер Т., Темпль Ш. Наша Вена. «Ариизация» по-австрийски. М.: Мосты культуры, 2017. 264 с.
 - 3. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: ИД И. Лимбаха, 2010. 336 с.
- 4. Ковтун Н. В. Реальность и текст в прозе рубежа XX–XXI веков: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности. М.: Флинта, 2014. С. 69–94.
- 5. Ковтун Н. В., Ларина М. В. Феномен карнавализации в романе Кристофа Рансмайра «Последний мир» // Сибирский филологический форум. 2019. № 2. С. 33–45.
 - 6. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.
- 7. Кучумова Г. В. «Подрывная» стратегия разрушения мифов в романах Э. Елинек. Текст: электронный // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4. URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/podryvnaya-strategiya-razrusheniya-mifov-v-romanah-e-elinek (дата обращения: 07.11.2019).
- 8. Пленков О. Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019. 511 с.
- 9. Якимович А. Пансион мадам Гайар или Безумие разума: проблема тоталитаризма в конце XX века // Иностранная литература. 1992. № 4. С. 226–236.
- 10. Ярина Е. С. Сюжетно-композиционное своеобразие и жанровая природа романа Э. Елинек «Перед закрытой дверью». Текст: электронный // Lingua mobilis. 2009. № 3. URL: https://www.cyberleninka.ru/article/n/cyuzhetno-kompozitsionnoe-svoeobrazie-i-zhanrovaya-priroda-romana-e-elinek-pered-zakrytoy-dveryu (дата обращения: 07.11.2019).
 - 11. Epple T. Christoph Ransmayr, Die letzte Welt. Munchen: Oldenbourg, 1992. 135 p.
- 12. Holmes A. Transformations of the Magical Real: Ransmayr and Garcia Marquez. Текст: электронный // Canadian Review of Camparative Literature, 2002. URL: https://www.journals.library.ualberta.ca/crcl/index.php/crcl/article/download/10786/8343 (дата обращения: 26.11.2019).
- 13. Gallagher D. Ovid's "Metamorphoses" and the transformation of methamorphosis in Cristoph Ransmayr's novel "Die letzte Welt". London: Department of German University of London, Royal Hollway: Center of Ausrtian Studies, 2007. URL: https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/90515/WP072. pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 26.11.2019). Текст: электронный.

¹ Белобратов А. «Высказать невысказываемое, произнести непроизносимое…»: с австрийской писательницей Эльфридой Елинек беседует Александр Белобратов. – Текст: электронный // Иностранная литература. – 2003. – № 2. – URL: https://www.magazines.gorky.media/inostran/2003/2/vyskazat-nevyskazyvaemoe-proiznesti-neproiznosimoe-8230. html (дата обращения: 06.11.2019).

² Там же.

- 14. Gottwald H. Mythos und Mystisches in der Gegenwartsliteratur: Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider. Stuttgart: Verlag Hans-Dieter Heinz, 1996.
- 15. Kovtun N. The boundaries of literariness: image of the world as a book in the European prose of the late 20th century (through the example of the novel by Christoph Ransmayr "The last world") // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2014. Vol. 7. No. 7. Pp. 854–864.
- 16. Kovtun N. On the Ruins of the "Crystal Palace" or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2011. Vol. 7. Pp. 1045–1057.
- 17. Wittstock U. Die Erfindung der Welt: zum Werk von Christoph Ransmayr. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. 238 s.
- 18. Wittstock U. Zentrum und Peripherie: Christoph Ransmayr // Wittstock U. Nach der Moderne. Essay zur deutschen Gegenwartsliteratur in zwoelf Kapiteln ueber elf Autoren. Goettingen: Wallstein Verlag, 2009. Pp. 122–136.

Статья поступила в редакцию 09.01.2020; принята к публикации 28.01.2020

Сведения об авторах

Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филологических наук, профессор; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: nkovtun@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6799-4685.

Парина Мария Валерьевна, магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: m_larina@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7998-0790.

Вклад авторов в статью

Н. В. Ковтун – основной автор, осуществляла теоретическую часть статьи, сделала выводы. Анализ поэтики романов Кр. Рансмайра и Э. Елинек выполнены авторами на паритетных началах.

Библиографическое описание статьи .

Ковтун Н. В., Ларина М. В. Переосмысление наследия Второй мировой войны в австрийской литературе конца XX века // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 1. С. 49–59. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-49-59.

References

- 1. Afonasin, E. Antique Gnosticism. Fragments and evidence. Sankt Peterburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2002. (In Rus.)
 - 2. Valcer, T. Templ S. Our Vien. "Ariisation" by Austians. M: Mosty kultury, 2017. (In Rus.)
 - 3. Zhirar, R. Scapegoat. Sankt-Peterburg: ID Ivana Limbaxa, 2010. (In Rus.)
- 4. Kovtun, N. V. Reality and text in prose of the late 20th century: "The last world" by Chr. Ransmayr and "The Slynx" by T. Tolstaya. Crisis of liteocentrism. Loss of identity. New abilities. M: Flinta, 2014: 69–94. (In Rus.)
- 5. Kovtun, N. V., Larina, M. V. The phenomenon of the carnivalization in the novel by Crh. Ransmayr "The last world". Sibirskiy filologicheskiy forum, pp. 33–45, no. 2, vol. 6, 2019. (In Rus.)
 - 6. Kristeva, Y. Forces of Horror: Disgust Essay. Sankt Peterburg: Aletejya, 2003. (In Rus.)
- 7. Kuchumova, G. "Disruptive" strategy for the destruction of myths in the novels by E. Jelinek. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 28–35, no. 4, 2009. (In Rus.)
- 8. Plenkov, O. What remains of Hitler? Germany's historical guilt and political repentance. Sankt Peterburg: Vladimir Dal', 2019. (In Rus.)
- 9. Yakimovich, A. Madame Gaillard's Pension or Madness of the Mind: The Problem of Totalitarianism at the End of the 20th Century. Inostrannaya literatura, pp. 226–236, no. 4, 1992. (In Rus.)
- 10. Yarina, E. The plot-compositional originality and genre nature of the novel by E. Jelinek "Wonderful, wonderful times". Lingua mobilis, pp. 497–503, no. 3, 2009. (In Rus.)
 - 11. Epple, T. Christoph Ransmayr, Die letzte Welt. Munchen: Oldenbourg, 1992. (In Germ.).
- 12. Holmes, A. Transformations of the Magical Real: Ransmayr and Garcia Marquez. Canadian Review of Camparative Literature, 2002. Web. 26.11.2019. https://journals.library.ualberta.ca/crcl/index.php/crcl/article/download/10786/8343 (). (In Engl.).
- 13. Gallagher, D. Ovid's "Metamorphoses" and the transformation of methamorphosis in Cristoph Ransmayr's novel "Die letzte Welt". London: Department of German University of London, Royal Hollway: Center of Ausrtian Studies, 2007. Web. 19.11.2019. https://conservancy.umn.edu/bitstream/handle/11299/90515/WP072.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (In Engl.)

- 1
- 14. Gottwald, H. Mythos und Mystisches in der Gegenwartsliteratur: Studien zu Christoph Ransmayr, Peter Handke, Botho Strauß, George Steiner, Patrick Roth und Robert Schneider. Stuttgart, Verlag Hans-Dieter Heinz, 1996. (In Germ.)
- 15. Kovtun, N. The boundaries of literariness: image of the world as a book in the European prose of the late 20th century (through the example of the novel by Christoph Ransmayr "The last world"). Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences, pp. 854–864, no. 5, 2014. (In Engl.)
- 16. Kovtun, N. On the Ruins of the "Crystal Palace" or the Fate of Russian Utopia in the Classical Era (N. G. Chernyshevsky, F. M. Dostoevsky, M. E. Saltykov-Shchedrin). Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, pp. 1045–1057, no. 7, 2011. (In Engl.)
- 17. Wittstock, U. Die Erfindung der Welt: zum Werk von Christoph Ransmayr. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. (In Germ.)
- 18. Wittstock, U. Zentrum und Peripherie: Christoph Ransmayr. Nach der Moderne. Essay zur deutschen Gegenwartsliteratur in zwoelf Kapiteln ueber elf Autoren. Goettingen: Wallstein Verlag, 2009: 122–136. (In Germ.)

Received: January 9, 2020; accepted for publication January 28, 2020

Information about author

Kovtun Natalya V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; 89 Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; e-mail: nkovtun@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6799-4685.

Larina Maria V., Master Student, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev; 89 Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, Russia; e-mail: m_larina@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7998-0790.

Contribution of authors to the article

The theoretical part of the article, conclusions are made by *N. V. Kovtun*, analysis of the poetics of novels by Kr. Ransmayr and E. Jelinek are performed by the authors on a parity basis.

Reference to the article

Kovtun N. V., Larina M. V. Rethinking of the Legacy of the Second World War in Austrian Literature of the End of the 20th Century // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 1. PP. 49–59. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-1-49-59.